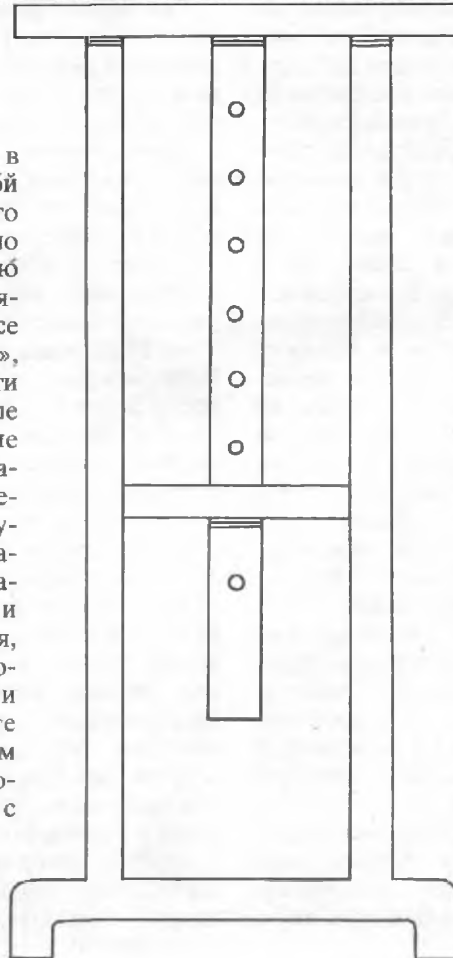

За последние десять лет в московской мастерской Васильева побывало много художников, и он охотно показывал каждую новую работу. Но все принятое в таких случаях слова, все эти «талантище», «удивил», «ну, знаешь ли», все эти восторженные или ревнивые восклицания, возведение взора к потолку, закладывание рук за спину, неопределённое мычание и глубокомысленное покашливание, продолжительное хмыканье со значительным видом и все жесты не то ошеломления, не то вежливого неудовольствия давно утратили первородную свежесть вместе с искренностью, он же сам воспринимал это как необходимые издержки общения с собратьями по профессии.

Вечером под предводительством художника Колицына приезжало человек шесть, знакомых и незнакомых; знакомые вваливались беззастенчиво и шумно, незнакомые же, жаждущие «посмотреть Васильева», стесненно топтались на пороге, точно в чужом храме, а Колицын, щеголеватый, с львиной гривой серебряных волос, облобызав Васильева, кричал полным баритоном, не соответствующим его сохранённой юношеской стройности, что придётся, несмотря ни на что, некоторые вещи приоткрыть интересующемуся народу, который должен знать отечественные таланты, — и тогда было демократично показывать картины, снимать с пюлок, ставить на мольберт,

потом к стене, потом одну на другую, в конце концов загромождая всю мастерскую. И гости, загораясь лицами от доступности художника, просили и требовали самых ранних его работ, послевоенных, которыми он, ещё в Сүриковском, ещё донáшивая артиллерийскую шинельку, заявил о себе, — замоскворецкие переулки, затянутые лиловыми морозными сумерками; тупички с сугробами около заборов; метель, вечерние огоньки в тихих двориках, заросших липами; зазеленелые полукруглые мосты через Канаву, мотающиеся на ветру фонари ночной набережной.

Ранние работы, напоенные и переполненные настроением, но, как мнилось самому Васильеву, лишённые глубокой мысли и дерзости, цветовой ёмкости, так или иначе вызывали неподдельный интерес Колицына. Он подолгу стоял перед ними, скрещивая руки на груди, отходил от картины и подходил к картине, вздымал брови, его одутловатые щеки розовели горячим румянцем, в треугольных, как у старого льва, глазах появлялся стоячий влажный блеск, однако ни похвального, ни хулительного слова он не молвил, только наконец заключал неопределённо: «Н-да, молодость любопытна». Фразу эту можно было воспринимать неоднозначно, по желанию, но Васильев предполагал, что ранние его работы неким образом снимали чувство неудовлетворения у Колицына, сближали обих и переносили в ту обещающую пору молодости, когда все в общем-то были равны перед будущим и никто всерьёз не думал ни о выставках, ни о славе, ни о продаже музеем картин. Удостоенный высоких званий, занимая высокое положение и должности, Колицын был жаден на похвалу, хотя в его искусствоведческой книге о послевоенном поколении художников Васильев не без любопытства прочитал о себе, что он замётный представитель «жесткого стиля», возникшего в конце пятидесятых годов, что опытный живописец этого сурового направления хочет видеть жизнь такой, какая она есть, ничего не смягчая, не приукрашивая, и именно здесь его достоинства и недостатки. Тогда Васильев ещё не утратил тщеславный интерес к тому, что писали о нём, и броское определение фронтального поколения — представители жесткого стиля — показалось довольно метким, ибо надобший заливанный «академизм» и умиление в искусстве претили ему.

Они вместе учились в Сүриковском, и длительное время делало их близко знакомыми, что позволяло Колицыну, живописцу, профессору, доктору искусствоведческих наук, часто заезжать в мастерскую.

В связи с последними событиями в жизни Васильева — выставки, юбилей, лауреатство, избрание в Академию художеств — двери его мастерской уже вовсе не закрывались, особенно в субботу и воскресенье, но к нему бесцеремонно стали заходить и в рабочие дни, подчас совсем не знакомые люди, приносили и ранние, и запоздалые поздравления, высказывали до стыда непотребный восторг, оставались к обеду, — и целый день опрокидывался в бестолковую пустоту невозвратно.

Но потом он понял, что это лукавила и приближалась его творческая гибель. Он понял, что надо немедленно отъединиться, запереться от всего мира, перестать дразнить судьбу, ибо обильные праздники слишком затянулись, оторвали его от ежедневной работы, одержимость которой он считал единственно оправданной формой существования. И Васильев разом решил оборвать все демократические нити, сжечь наведенные мосты перед порогом в мастерскую и погрузиться в монастырское одиночество работы, которая только и способна окупить собственное предназначение на земле.

Раз ночью (всю неделю он не выходил из мастерской) его разбудил телефонный звонок. Васильев вскочил, спросонок ничего не соображая, зажёл ночник над диваном, взглянул на часы: шёл первый час ночи. Он боялся поздних, неурочных звонков, порой ошибочных, недобрых, связанных с несчастьем, не сразу снял трубку и услышал полносочный голос Колицына:

— Что, разбудил тебя, бессмертный Гомер современной живописи? Нашёл тебя, прости уж меня за настырность, наконец, ночью!

— Послушай, Олэг, — проговорил Васильев рассерженно. — Ты на часы посмотрел? В это время спят все люди добрые.

— Я должен тебя немедленно увидеть, — перебил Колицын. — Ты слушаешь или нет? Я должен увидеть тебя немедленно. Я подымусь к тебе сейчас. Я звоню из автомата внизу. Через пять минут открой дверь. Я мерзну в автомате у твоего дома.

Как только вошёл Колицын, разгорячённый и, против ожидания, мрачный, в пыжиковой шапке, в расстегнутой меховой шубе, как только переступил порог мастерской, Васильев понял, что он приехал не по причине полноты чувств. Был Колицын непривычно бледен, его треугольные глазки мудрого стареющего льва, усталые, желто-зелёные, бежали с ощущающей подозрительностью мастерскую, повернутые к стене картины, задержались на мольберте, где начатый холст накрыт был куском материи, и он спросил с недоверием:

— Кто-то мне сказал, что ты работаешь по ночам?

— По ночам я хотел бы спать, чего желаю и тебе.

— Великий Микеланджело работал при свете свечей. И почти весь Ренессанс. И русские гении, — заговорил Колицын торопясь. — Они работали, как каторжники, прикованные цепью в мастерской, они работали на бессмертие. Они были обречены на бессмертие. На что обречены мы?

— В первую очередь не выпрыгивать из собственного костюма. Без брюк неприлично, знаешь ли.

— Неприлична всегда бездарность. В любом костюме, Володя.

Голос его, обладавший глубокой сочностью, порой солидными, порой добродушно-снисходительными оттенками, был сейчас низок и тускл, сдавленный возбуждением:

— Знаю, Володя, что слава художника — тень дыма, прихоть судьбы. А вот ты всё же пишешь и уповашь, что твой личный след в живописи останется, потому что умеешь думать красками. Надеешься ведь? Каждый талант надеется, иначе бы он не творил. Так, Володя? Или не так? А что делать тем, у кого хрупкий талант? Жить в муках и бессилии? Что делать и думать травинке около куста шиповника?

— Растй рядом. Ты об этом хотел со мной поговорить? — сердито спросил Васильев и, чтобы подавить раздражение, притворно зевнул, закуривая. — Не думаешь ли ты, что дискуссия бессмысленна?

— Работал сегодня с утра, устал, вымотался, как дьявол, — заговорил Колицын подавленно. — И ничего не поймал: белый снег, белые деревья, белые дома и синее февральское небо, уже с ощущением весны. Белое и синее. И какая-то фиолетовость. Не нашёл, не поймал, не схватил! Измучился. Но не схватил февральскую прозрачность и белизну инея на солнце. А было вдохновение — полёт творческой свободы!..

— Да ты не так громко, — уже откровенно зевнул Васильев. — Куда полёт? Ходи по земле — так удобней. А то взлетишь, темечком в потолок мастерской врежешься. А ремонт нонеча дорог.

— Хочу серьёзно спросить тебя, уважаемый метр, — проговорил Колицын, зло дёргая головой. — У тебя бывают минуты полного бессилия? Когда ничего нет. Бывают минуты, когда ты чувствуешь, что бессилён передать себя... в цвете... на холст! Или ты счастливеец, у тебя нет такого? Да, у тебя! Легко жить с верой в свою гениальность.

Васильев поморщился, махнул сигаретой.

— Я никогда ни секунды не сомневался в

том, что гениален. Тем более что бывали минуты, когда была полная уверенность, что я не осёл в искусстве, а всем ослам осёл, вернее, не добротный осёл, а тень осла. Что тебе ещё ответить, Олэг, в первом часу ночи? Могу ещё добавить, что в живописи невозможно выразить, что делает чувство, когда дремлет разум. Как поступает чувство в таком случае — предмет литературы.

— Намёк в мой адрес, Володя?

— В свой, твой и всей живописи. В живописи — две трети бессилие.

— Помолчи, помолчи, Васильев! Я вспомнил сегодня один твой пейзаж, — встрепенулся Колицын, по привычке всё откидывая обеими руками назад волосы, и заходил около стены, где стояли повернутые картины. — Твой пейзаж, весенний — поля, фиолетовый снег в овраге, солнце в лужах на дороге... Где он у тебя? Он был здесь, вот здесь. Разреши посмотреть? Я вспомнил его сегодня, и я хотел увидеть... Ты считаешь его удачей? Как ты к нему сам относишься? Как ты?...

И, казалось, не выбирая в ряду картин, он перевернул одну из них в самом углу — весенний пейзаж, написанный Васильевым прошлым годом, — и попятился, отошёл на несколько шагов, как-то пьяно начал покачиваться с каблучков на носки, вымученно улыбаясь, а его гибкие женские пальцы сбежались и сплелись за спиной в тесный замочек.

— В общем-то неудача, а какой простенький мотив, — сказал с досадой Васильев. — Непойманное мгновение, моё бессилие перед светом, если хочешь...

— Я не ошибся, — забормотал Колицын бредовой скороговоркой. — Угол в твоём весене выпал. Пустота в углу. А тут, где тени... переохлодил, надо теплее, теплее... Не-ет, ты густо замесил, но здесь ты не попал, не схватил... Я чувствую лопатками — ты промахнулся. Только небо. Вот здесь ты попал — чудесный источник света, источник весны. А всё остальное — неудача, мертвечина, непопадание. И ты, и ты, мастер Васильев, бываешь бессилён, хотя в сто раз талантливее меня, и ты бываешь слабым! Смешно и пошло, а я сегодня думал о твоём неудачной весне, об этом пейзаже! — продолжал он свинцовым голосом презирающего свою искренность человека. — Вообрази, что сегодня я весь день думал о тебе! — В конце концов, у тебя счастливая судьба в искусстве, но ты не Энгр! Не Шедрэн! И я не очень люблю твои вещи!..

— С какой же стати такой пафос? Для монографии, что ли?

— Не гений! Я сегодня подумал, что я наказан, безнадежен, потерял всё, стал чиновником и — от моего таланта нет уже ни

крупницы! Спасибо за твой пейзаж — нет, не я один, безумец, кусаю локти! Не я один, не я один!..

Его лицо, дрожащее выдавленной улыбкой, было измученным, измятым, его мутные, воспалённые глаза выражали недуг нервного срыва, близкого отчаянию, такого знакомого Васильеву, такого терзающего в те минуты недобро открывшегося Колицына, которого, оказывается, казнила беда сжигающего желанья искать острый огонь нескончаемой пытки.

Задание 11

Определите, из каких смысловых частей состоит, по вашему мнению, прочитанный фрагмент романа. Предложите заглавие каждой смысловой части. Скажите, как соотносится смысл отрывка с названием романа.

Задание 12

Прочитайте предложения из текста. Вспомните ситуации, связанные с каждым из этих предложений. Опишите эти ситуации.

1) Они вместе учились в Суриковском. 2) Раз ночью его разбудил телефонный звонок. 3) И ничего не поймал: белый снег, белые деревья, белые дома и синее февральское небо... 4) И ты, и ты, мастер Васильев, бываешь бессилён...

Задание 13

Подтвердите примерами из текста, что:

- а) Колицын был человеком не слишком одарённым;
- б) у Васильева была счастливая судьба в искусстве.

Задание 14

Ответьте на вопросы.

1) Что вы узнали из текста о художниках Васильеве и Колицыне? Что их сближает? В чём они различны? 2) Как Колицын относится к Васильеву-художнику? 3) Как Васильев оценивает собственное творчество?

Задание 15

Найдите в тексте и назовите лексические элементы, употребление которых профессионально мотивировано. Используя профессиональную лексику, опишите картины И. Грабаря и С. Герасимова (см. вклейку с. 5—8).

Задание 16

В тексте описывается восприятие картин разными людьми. Сравните, какими языковыми средствами передаёт автор разницу в восприятии картин художником Колицыным и дру-

гими художниками. В чём выражается эта разница?

Задание 17

Какой эмоциональный оттенок придают описанию внешности художника Колицына следующие выражения?

щеголеватый, львиная грива серебряных волос; треугольные, как у старого льва, глаза; полносочный баритон, одутловатые щёки; жёлто-зелёные глазки.

Скажите, как личность и характер Колицына раскрываются в описании внешнего облика героя? На основании чего вы судите об отношении к нему автора?

Задание 18

Сравните речь Колицына и Васильева и укажите разностилевые лексические и синтаксические элементы, употребление которых в речи персонажей, будучи психологически мотивированным, определяет отношение автора к героям.

Задание 19

В главе 17 герои романа встречаются вновь. Определите, кому из них принадлежат следующие высказывания: Колицыну или Васильеву? Ответ мотивируйте.

— Вот что мне пришло в голову. Ты зачем-то просил меня честно сказать, хотя моё мнение никакого значения для тебя не имеет. Знаю, что одна и та же природа, одно и то же событие по-разному воспринимаются разными людьми. Наверное, в разном прелесть жизни и искусства. Но нелепо держать в руках курицу, а воображать, что поймал жар-птицу. Не обижайся, у меня такое ощущение, что ты держал в руках курицу, но не ощипал и её. Отпусти ты пернатую, ради бога, отпусти, пусть себе гуляет.

— А ты думаешь, что твои работы предел художества? Образец совершенства? Может, ты считаешь себя законодателем современного искусства? Может, ты думаешь, что ты единственный видишь мир цветом и мазками? Нет, это умели великие, мировые мастера, недостижимые вершины, а ты холмик, бугор по сравнению с ними. И ещё... ещё неизвестно, кто из нас талантливее!

Задание 20

Интерпретируйте высказывания.

1) В живописи — две трети бессилие.

Что Васильев, на ваш взгляд, имеет в виду, утверждая это? Разделяете ли вы данную точку зрения? Аргументируйте своё мнение.

2) Что, разбудил тебя, бессмертный Гомер современной живописи?

Почему Колицын так называет Васильева?

3) Только работа «способна окупить собственное предназначение на земле». Так считает Васильев. А что думаете по этому поводу вы?

Задание 21

Выразите согласие (несогласие) с мнением Колюшина о том, что «слава художника — тень дыма, прихоть судьбы».

Задание 22

Постройте развёрнутое высказывание, приведя необходимые аргументы, примеры и сделав вывод.

1) Вспомните, что Ю. Бондарев говорит в своём интервью о юности. Найдите в отрывке из романа слова о молодости. Как связаны между собой эти мысли?

2) Вспомните, что вам известно о биографии Ю. Бондарева и героя романа «Выбор» художника Васильева. Что общего в судьбе героя и автора?

3) Вспомните высказывания критиков о творчестве Ю. Бондарева и скажите, какое из них можно проиллюстрировать предложенным фрагментом романа «Выбор».

Методика

*Нач. Отдела преподавания русского языка в зарубежных странах
Министерства высшего и среднего специального образования СССР*

*Зам. директора Института русского языка им. А. С. Пушкина
докт. филол. наук, проф.*

А. И. Борисова

О. Д. Мигрофанова

Р. С. Сурмонина

*Зав. Отделом методической работы с кафедрами русского языка как иностранного вузов СССР
Института русского языка им. А. С. Пушкина
канд. филол. наук, доц.*

Включенное обучение — новый тип обучения иностранных студентов-русистов

Становление русского языка как одного из мировых языков, связанное с превращением СССР в одну из ведущих в социально-экономическом, культурном и научно-техническом отношении держав, вызвало к жизни быстрое распространение русского языка в разных странах мира. Русский язык в настоящее время изучается с различными практическими целями разными категориями населения. Во многих странах, и в первую очередь в странах социалистического содружества, изучение русского